АРТУР КОНАН

ДОЙЛ

Письма молодого врача
Загородные приключения

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Эксклюзивная классика (АСТ)

Артур Конан Дойл

Письма молодого врача. Загородные приключения

«Издательство АСТ»
1895, 1914

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Письма молодого врача. Загородные приключения / А. Дойл — «Издательство АСТ», 1895, 1914 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154550-5

Артур Конан Дойл – автор, в котором органично соединились детектив и путешественник, поклонник науки и спиритизма, а также писатель и врач. Оставаясь всю жизнь верным своему врачебному призванию и черпая вдохновение из него, мастер писал: «…любой врач должен быть благодарен судьбе за свою профессию. Ведь делать добро – это такое огромное удовольствие, что впору платить за эту привилегию…» «Письма молодого врача» – это история жизни молодого доктора Старка Монро. Во многом автобиографичное произведение, почти все персонажи которого списаны с реальных прототипов. Доктор только собирается открыть собственную практику и пишет об отношениях с родителями, знакомстве с будущей женой, о своих стремлениях и планах. А также об очередных затеях приятеля – врача Джеймса Каллингворта, который то медицинскую практику пытается изменить коренным образом, то и вовсе придумывает невероятные изобретения. А в романе «Загородные приключения» Дойл рассказывает историю неугомонной миссис Уэстмакотт – убежденного борца за права женщин, которая нарушает спокойствие мирного городка и меняет судьбу большинства местных жителей.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-154550-5

© Дойл А., 1895, 1914
© Издательство АСТ, 1895, 1914

Содержание

Письма молодого врача 7
Письмо первое 7
Письмо второе 13
Письмо третье 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Артур Конан Дойл
Письма молодого врача.
Загородные приключения

Arthur Conan Doyle
THE STARK MUNRO LETTERS
BEYOND THE CITY

© Перевод. Е. Токарев, 2023
©ООО «Издательство АСТ», 2023

Письма молодого врача

Сборник из двенадцати писем, написанных Дж. Старком Монро, бакалавром медицины, своему другу и бывшему однокурснику Герберту Свонборо из Лоуэлла, штат Массачусетс, в период с 1881 по 1884 годы. ***Отредактированы и подготовлены к печати Артуром Конан Дойлом***

Письма моего друга мистера Старка Монро представляются мне составляющими столь единое целое и так ярко и доступно описывающими трудности, с которыми приходится сталкиваться молодому человеку в начале его профессиональной карьеры, что я решил передать их джентльмену, намеревающемуся издать их книгой. Два из них, письма пятое и девятое, нуждаются в некоторых сокращениях, однако надеюсь, что в целом их можно воспроизвести в их изначальном виде. Уверен, что ничто не было бы более приятно моему другу, чем знание того, что другой молодой человек, донимаемый заботами и неприятностями этого мира и снедаемый сомнениями касательно мира последующего, обрел бы силу и поддержку, прочтя о том, как его собрат миновал лежавшую перед ним долину теней.
Герберт Свонборо, Лоуэлл, штат Массачусетс

Письмо первое

Дома, 30 марта 1881 года

Мой дорогой Берти, очень по тебе скучаю после твоего возвращения в Америку, поскольку ты единственный человек на земле, с которым я мог бы быть до конца откровенным. Сам не знаю, отчего бы так – ведь если задуматься, то ты никогда не доставлял мне радости быть со мною столь же искренним. Но это, возможно, моя вина. Вероятно, ты не находишь меня сочувствующим, хотя я изо всех сил хочу быть таковым. Могу лишь сказать, что считаю тебя наделенным огромной долей понимания и сопереживания, пусть я и несколько обольщаюсь на этот счет. Но нет, интуиция мне подсказывает, что не наскучу тебе своими откровениями.

Ты помнишь учившегося вместе с нами Каллингворта? Весьма возможно, что нет, поскольку ты не принадлежал к сообществу спортсменов. В любом разе, я изначально приму, что не помнишь, и расскажу все с самого начала. Уверен, что на фотографии ты бы его узнал хотя бы потому, что на нашем курсе он был самым непривлекательным и неприятным на вид студентом.

Физически он был настоящим атлетом, одним из самых быстрых и решительных нападающих регбистов, которых мне доводилось встречать, однако он играл так грубо, что так и не вышел за пределы узкого круга. Роста он был почти метр восемьдесят, широкоплечий, грудь колесом, с быстрой и порывистой походкой. Голова у него была большая и круглая с короткими вьющимися черными волосами. Лицом он обладал на удивление неприятным, но непривлекательность его была того рода, что притягивает так же, как и красота. Его резко очерченные брови и нижняя челюсть выдавались вперед, крупный красноватый нос нависал над губами; маленькие и близко посаженные светло-голубые глаза постоянно меняли свое выражение, становясь то благодушно-веселыми, то чрезвычайно злыми. Над верхней губой красовались тонкие, закрученные кверху усики, а зубы у него были желтые, крупные и длинные. Прибавь к этому, что он редко надевал воротничок или галстук, что шея у него была шероховатой и цвета

еловой коры, а голос и особенно смех напоминали рев быка – и ты получишь некоторое представление (если сможешь совместить все описанное воедино) о внешности Джеймса Каллингворта.

Но более всего достоин описания его внутренний мир. Я не претендую на знание того, что есть гений. Определение Томаса Карлейля всегда казалось мне очень ясной и четкой дефиницией того, чем гений НЕ ЯВЛЯЕТСЯ. Насколько я мог заметить, вместо безграничной способности прилагать усилия и старания, что считается главной чертой гения, гениальность состоит в том, что ее обладатель достигает результатов благодаря интуиции и чутью, в то время как остальные добиваются их упорным трудом. В этом смысле Каллингворт – величайший гений, какого я когда-либо знал. Похоже, он никогда особо не работал, однако получил премию по анатомии, опередив занимавшихся по десять часов в день. Возможно, это ничего не доказывает, поскольку он мог напоказ целый день слоняться без дела, а потом до утра сидеть над книгами. Однако стоило с ним заговорить на какую-либо тему, как ты тотчас замечал его оригинальность и силу ума. Заговори о торпедах – он схватит карандаш, вытащит из кармана какой-нибудь старый конверт и нарисует новое устройство для разрушения защиты корабля и его потопления, которое, несомненно, будет технически невозможно, однако, по крайней мере, выглядит вполне правдоподобно и новаторски. Пока он рисовал, его щетинистые брови смыкались, глаза сверкали от волнения, губы сжимались, а закончив, он хлопал по рисунку раскрытой ладонью и торжествующе вскрикивал. Можно было подумать, что цель всей его жизни – изобретать торпеды. Но если в следующее мгновение ты удивишься, как это египетским строителям удавалось поднимать каменные блоки на вершины пирамид, то снова появятся карандаш и конверт, и он с той же энергией и убежденностью начертит схему подъема. Эта его изобретательность сочеталась с исключительной живостью характера. Пока он порывисто расхаживал во время очередного прилива вдохновения, он брал патенты на свое изобретение, принимал тебя партнером в свое предприятие, открывал его во всех цивилизованных странах, намечал все возможные применения своему открытию, подсчитывал все вероятные прибыли, определял новые сферы, куда их можно вложить, и, наконец, уходил на покой с огромнейшим из когда-либо нажитых состояний. А ты, подхваченный потоком его слов, проходил вместе с ним каждый шаг и испытывал сильное потрясение, когда внезапно падал с небес снова на землю, опять становясь бедным студентом с «Физиологией» Кирка под мышкой и мелочью в кармане, которой едва ли хватит на обед.

Перечитал написанное и вижу, что не смог составить у тебя истинного представления о поистине демонической одаренности Каллингворта. Его взгляды на медицину были в высшей степени революционными, но позволю себе заметить, что если задуманное оправдает свои обещания, то я смогу много рассказать о них позже. С его блестящими и необычными талантами, его спортивными достижениями, его странной манерой одеваться (шляпа на затылке и голая шея), его громовым голосом, его гипнотически неприятным лицом он был самой яркой и незаурядной личностью, которую мне когда-либо доводилось встречать.

Ты, возможно, сочтешь, что я слишком уж распространяюсь об этом человеке, однако, как может показаться, если его жизнь переплелась с моей, то эта тема вызывает у меня живейший интерес, и я пишу все это с целью оживить свои несколько потускневшие впечатления, а также в надежде пробудить твой интерес и развлечь тебя. Поэтому я должен привести тебе пару случаев, которые смогут помочь тебе яснее представить его характер.

Было в нем что-то героическое. Однажды он попал в ситуацию, когда пришлось выбирать – или скомпрометировать даму, или выпрыгнуть из окна второго этажа. Ни секунды не колеблясь, он выскочил из окошка. К счастью, он упал сквозь пышный лавровый куст на мягкий после дождя газон, отделавшись легким испугом и царапинами. Если придется сказать о Каллингворте что-либо плохое, расцени этот инцидент со знаком минус.

Он любил грубые шутки и дурачества, но в них лучше было не участвовать, поскольку никогда нельзя было сказать, чем они закончатся. Характер у него был просто адский. Я видел, как однажды в анатомичке он на пару с сокурсником начал дурачиться, а через мгновение от веселости не осталось и следа, его маленькие глаза злобно засверкали, и оба они уже катались под столом, вцепившись друг в дружку, словно собаки. Каллингворта вытащили оттуда, задыхавшегося и лишившегося от злобы дара речи, со вставшими дыбом, как у бойцового терьера, курчавыми волосами.

Иногда воинственность его характера проявлялась во благо. Помню, как один видный лондонский ученый читал нам лекцию, то и дело перебиваемую ремарками сидевшего в первом ряду молодого человека, явно получавшего от этого удовольствие. Наконец, лектор обратился к аудитории.

– Господа, эти реплики невыносимы, – произнес он. – Кто-нибудь избавит меня от надоедливых комментариев?

– Придержите язык, вы, сэр в первом ряду! – протрубил Каллингворт своим бычьим рыком.

– Может, вы меня еще и заставите? – проговорил возмутитель спокойствия, с презрительным взглядом обернувшись к Каллингворту.

Тот закрыл тетрадь и, к великой радости трехсот зрителей, начал спускаться по ступенькам аудитории. Было отрадно видеть, как он аккуратно пробирался среди чернильниц. Когда он спрыгнул с последней ступеньки на пол, противник нанес ему жуткий удар в лицо. Однако Каллингворт вцепился в него бульдожьей хваткой и потащил прочь из аудитории. Не знаю, что он сделал с противником, но раздался такой грохот, словно наземь вывалили тонну угля, и вершитель закона вернулся со спокойным видом человека, выполнившего свой долг. Один глаз у него напоминал перезрелую сливу, но мы прокричали ему троекратное «ура», пока он возвращался на свое место. Затем все продолжили разбор опасности осложнений предлежания плаценты.

Пил он не очень много, но даже малая доза алкоголя действовала на него очень сильно. Именно тогда ему в голову приходили мысли одна фантастичнее и сумасброднее другой. А если он переходил черту разумного, то с ним приключались вещи поистине поразительные. Иногда его охватывала агрессивность, иногда страсть к проповедничеству, а временами его тянуло на шутовство. Случалось, что эти состояния сменяли друг друга, да так быстро, что сбивали с толку окружающих. Опьянение выявляло все его мелкие странности. Одной из них было то, что он мог идти или бежать совершенно прямо, однако всегда наступал момент, когда он бессознательно разворачивался и возвращался обратно. Иногда это производило странный эффект, как в случае, о котором я тебе расскажу.

С виду очень даже трезвый, но явно под влиянием винных паров, он однажды вечером отправился на вокзал. Подойдя к окошку кассы, Каллингворт самым вежливым тоном спросил, далеко ли до Лондона. Кассир было подался вперед, чтобы ответить, как тут Каллингворт пробил кулаком окошко и нанес тому сокрушительный удар по лицу. Клерк слетел с табуретки, на его полные боли и негодования вопли сбежались полицейские и железнодорожники. Они бросились вдогонку за Каллингвортом, но тот, быстрый и проворный, как борзая, оставил их позади и исчез во тьме, убежав по длинной и прямой улице. Преследователи остановились и сбились в кружок, обсуждая происшествие, но тут, подняв глаза, к своему изумлению увидели скрывшегося от них человека, который со всех ног бежал в их сторону. Понимаешь, проявилась одна из его странностей, и он бессознательно изменил направление бегства. Ему поставили подножку, навалились всем гуртом и после долгой и отчаянной борьбы притащили в полицейский участок. Наутро он предстал перед мировым судом, но произнес в свою защиту такую блистательную речь, что переманил судью на свою сторону и отделался пустяковым штрафом.

После его приглашения свидетели и полицейские отправились вместе с ним в ближайшую таверну и «закрыли дело» обычными возлияниями виски с содовой.

Ну вот, если и после этих ярких примеров мне не удалось создать у тебя внятного представления об этом человеке – способном, притягательном, нещепетильном, интересном и многостороннем – то я должен отчаяться достигнуть этого впредь. Однако полагаю, что цели своей я добился, и продолжу рассказом, мой терпеливейший из слушателей, о своих личных отношениях с Каллингвортом.

Когда мы только с ним познакомились, он был холостяком. Однако в конце долгих каникул он повстречался мне на улице и громовым голосом со свойственным ему неистовым похлопыванием по плечам сообщил, что совсем недавно женился. Приняв его приглашение, я отправился к нему, чтобы познакомиться с его женой. По дороге он рассказал мне историю своей женитьбы, оказавшейся столь же необычной, как и все, что он делал. Я не стану ее тебе излагать, мой дорогой Берти, поскольку я чувствую, что уже и так слишком часто отклоняюсь от темы, но отмечу, что история эта была довольно шумной, где не последнюю роль сыграли запирание гувернантки в ее комнате и перекрашивание волос Каллингворта. Касательно последнего замечу, что ему так до конца и не удалось избавиться от следов покраски, и с тех пор к его особенностям добавилось еще и то, что его волосы начинали переливаться всеми цветами радуги, когда солнечный свет падал на них под определенным углом.

Так вот, я поднялся к нему в квартиру и был представлен миссис Каллингворт. Это была робкая невысокая сероглазая женщина с тихим голосом и мягкими манерами. Стоило лишь увидеть, как она смотрела на него, чтобы понять, что она полностью подчинена его влиянию: что бы он ни сделал, что бы он ни сказал – для нее это всегда было наилучшим. Она могла быть и упрямой, но тихо и ненавязчиво, и упрямство ее всегда подкрепляло слова или действия мужа. Однако об этом я узнал лишь немного позже, а во время моего первого к ним визита она произвела на меня впечатление самой милой и кроткой женщины из всех, кого мне доводилось знать.

Жили они довольно странно в квартире из четырех небольших комнат над бакалейной лавкой. Там была кухня, спальня, гостиная и четвертая комната, которую Каллингворт упорно считал очень нездоровой и рассадником болезней, однако я уверен, что это убеждение возникло у него из-за просачивавшегося снизу запаха сыра. В любом разе, он со свойственной ему энергией не только запер эту комнату на ключ, но и заклеил лакированной бумагой все щели в двери, чтобы не дать распространиться воображаемой инфекции. Мебели там был самый минимум. Помню, в гостиной стояло всего два стула, так что когда кто-то приходил в гости (думаю, что это был только я), Каллингворт усаживался в углу на высокую стопку ежегодников «Британского медицинского журнала». Я прямо вижу, как он подпрыгивает со своего низкого сиденья и расхаживает по комнате, ревя и размахивая руками, а его кроткая жена тихонько сидит в уголке и слушает, глядя на него любящим и обожающим взором. Заботило ли кого-то из нас, на чем мы сидим и как мы живем, когда в жилах бурлила юная кровь, а души пылали, окрыленные открывавшимися возможностями? Я до сих пор считаю эти богемные вечера в комнате с голыми стенами, пропахшей сыром, самыми счастливыми в своей жизни.

Я стал часто посещать Каллингвортов, поскольку получаемое мною удовольствие становилось еще сильнее от удовольствия, которое, как я надеялся, доставлял им своими визитами. Они ни с кем не общались и не хотели общаться, так что в плане социальном я, похоже, был единственным звеном, связывавшим их с внешним миром. Я даже попытался вмешаться в их семейную жизнь. В то время Каллингворт проникся уверенностью, что причиной всех болезней современной цивилизации является отказ от жизни предков на свежем воздухе, и вследствие этого держал окна открытыми день и ночь. Поскольку его жена явно обладала слабым здоровьем, но предпочла бы умереть, нежели выказать свое несогласие с ним, я решился высказать ему, что кашель, от которого она страдала, едва ли можно будет вылечить постоян-

ным пребыванием на сквозняках. Он ужасно рассердился на это мое вмешательство, и я было решил, что мы поссоримся, но его злость выветрилась, и он стал более внимателен касательно проветривания комнат.

В ту пору наши вечерние занятия носили самый необычный характер. Знаешь, существует такая штука – амилоид – вещество, которое откладывается в тканях при некоторых болезнях. Патологоанатомы много спорили о том, что это за вещество и как оно образуется. Касательно этого предмета Каллингворт был твердо убежден, что амилоид на самом деле является тем же самым, что и вырабатываемый печенью гликоген. Но одно дело придерживаться какой-либо мысли, другое – быть способным ее доказать. Прежде всего нам было нужно некоторое количество амилоида, чтобы проделывать с ним опыты. Однако судьба благоволила нам самым волшебным образом. Профессор патологоанатомии стал обладателем превосходного образца амилоидной печени. Он с гордостью продемонстрировал орган сидящим в аудитории студентам, а потом велел ассистенту убрать его в холодильник, готовя его к работе под микроскопом на практических занятиях. Каллингворт увидел открывшуюся возможность и действовал мгновенно. Выскользнув из аудитории, он открыл холодильник, завернул в пальто жуткую блестящую массу, закрыл холодильник и незаметно ушел. Не сомневаюсь, что до сих пор исчезновение амилоидной печени остается самой непостижимой загадкой в ученой карьере нашего профессора.

В тот вечер, как и во многие последующие вечера, мы работали с тем образцом печени. Для наших опытов было необходимо подвергнуть ее сильному тепловому воздействию, чтобы отделить азотистую клеточную субстанцию от безазотной амилоидной. При нашем ограниченном инструментарии единственный способ, который мы смогли придумать, состоял в том, чтобы нарезать образец на тонкие куски и зажарить их на сковородке. Поэтому вечер за вечером можно было наблюдать любопытнейшее зрелище, в котором участвовали молодая красивая женщина и двое очень серьезных молодых людей, поглощенных приготовлением жуткого фрикасе. Из нашей работы ничего не вышло, и хотя Каллингворт считал, что неопровержимо доказал свое предположение, и написал несколько длинных статей в медицинские журналы, он никогда толком не умел излагать свои мысли на бумаге и, я уверен, создал у читателей весьма путаное представление о том, что пытался утверждать. И опять же, поскольку Каллингворт был всего лишь рядовым исследователем без научных публикаций, он почти не привлек к себе внимания, и я не слышал, что он обзавелся хоть одним сторонником.

В конце года мы оба сдали экзамены и стали дипломированными врачами. Каллингворты исчезли с моего горизонта, и больше я о них ничего не слышал, поскольку Джеймс гордился тем, что никогда и никому не писал писем. Его отец в свое время обладал большой и доходной практикой в Западной Шотландии, но умер несколько лет назад. Я смутно предполагал, основываясь на разрозненных замечаниях Каллингворта, что он отправился туда, чтобы разузнать, значит ли что-нибудь их фамилия в тех краях. Что же до меня, то, как ты помнишь из моего последнего письма, я начал практиковать как помощник отца. Однако тебе известно, что в самом лучшем случае такая практика приносит семьсот фунтов в год без всякой возможности расширения. Этого явно недостаточно, чтобы содержать двоих. Опять же, временами я замечаю, что мои религиозные воззрения раздражают моего дорогого старика. В целом у меня есть все причины, по которым, как кажется, мне лучше выйти из дела. Я обращался в несколько судоходных компаний и подавал заявления на по меньшей мере дюжину должностей семейного врача, но на это жалкое место с сотней фунтов в год царит такая конкуренция, словно на пост вице-короля Индии. Как правило, я просто получаю свои документы назад безо всяких комментариев. Это учит человека смирению. Конечно, очень приятно жить с матерью, а мой младший брат Пол – отличный парень. Я учу его боксу: ты бы видел, как он взмахивает маленькими кулачками и отбивает правой. Нынче вечером он дал мне в челюсть, и мне пришлось попросить на ужин яйца пашот.

Все это подводит меня к настоящему времени и последним новостям. Сегодня утром я получил телеграмму от Каллингворта – после девяти месяцев молчания. Отправлена она из Авонмута, города, где, как я и думал, обосновался Каллингворт. В ней говорилось просто: «Приезжай немедленно. Ты мне срочно нужен. Каллингворт». Разумеется, я поеду завтра первым же поездом. Телеграмма может означать что-то или вообще ничего. В глубине души я надеюсь и верю, что Каллингворт нашел для меня дело в качестве своего партнера или кого-то еще. Я всегда верил, что ему повезет, и он устроит и свою судьбу, и мою. Он знает, что если я не очень расторопен и талантлив, то уж точно уравновешенный и надежный. Вот к этому я и стремился, Берти, и завтра я отправлюсь к Каллингворту. Кажется, что мне наконец-то откроется дорога в жизни. Я описал тебе его и его привычки, так что ты можешь проявить интерес к развитию моей судьбы, чего тебе бы не удалось, если бы ты ничего не знал о человеке, протянувшем мне руку помощи.

Вчера был мой день рождения, и мне исполнилось двадцать два года. Двадцать два года я вращаюсь вокруг солнца. И со всей серьезностью, без тени легкомыслия и от всей души могу заверить тебя, что в настоящий момент я имею очень смутное представление о том, откуда я явился, куда иду и зачем я здесь. Все это не из любопытства или от равнодушия. Я изучил догмы нескольких религий. Все они потрясли меня тем, какому насилию я должен подвергнуть свой разум, чтобы принять догмы любого из верований. Их этика всегда великолепна. Столь же прекрасна этика английского общего права. Но план сотворения, на котором строится эта этика! Право слово, это самое поразительное из того, что я видел за время своих недолгих земных странствий – что так много способных людей, глубоких философов, дальновидных законодателей и светлых умов принимали подобное объяснение фактам жизни. Перед лицом их явного сходства во мнениях моему скромному мнению подобало бы затаиться в глубине моей души, если бы я не набрался смелости подумать, что столь же выдающиеся законодатели и философы Древнего Рима и Греции соглашались с тем, что Юпитер имел множество жен и любил выпить кубок доброго вина.

Заметь, мой дорогой Берти, что я не хочу принижать твое мнение о ком-либо из них. Мы, требующие терпимости, должны первыми распространить ее на других. Я лишь разъясняю свою позицию, как часто делал и раньше. И мне прекрасно известен твой ответ. Разве я не слышу твой мрачный голос: «Имей веру!» Твоя совесть тебе это позволяет. А вот моя – нет. Я очень ясно вижу, что вера есть не добродетель, а порок. Это коза, попавшая в стадо овец. Если человек намеренно закрывает глаза и отказывается пользоваться ими, ты, как и любой другой, тотчас скажешь, что это аморально и предает Природу. И вместе с тем ты станешь советовать человеку отказаться от куда более ценного дара, от разума, и отказаться от него при решении куда более сокровенного вопроса всей жизни.

«В этом деле разум не помощник», – ответишь ты. Я же возражу, что так говорить – все равно, что признать поражение, не начав битвы. Мой разум ОБЯЗАТЕЛЬНО мне поможет, а если не сможет, то обойдусь и без его помощи.

Уже поздно, Берти, огонь в камине погас, я дрожу от холода. А ты, я уверен, донельзя устал от моей болтовни и ересей. Поэтому до следующего письма.

Письмо второе

Дома, 10 апреля 1881 года

Ну вот, мой дорогой Берти, я снова в твоем почтовом ящике. Не прошло и двух недель с того дня, как я написал тебе длинное и пространное письмо, однако сам видишь, что у меня достаточно новостей для того, чтобы исписать очередную стопку бумаги. Говорят, что искусство писать письма утрачено, но, если количество может скомпенсировать недостаток качества, ты должен признаться, что (к своему греху) у тебя есть друг, сохранивший это искусство.

Когда я писал тебе в последний раз, я намеревался ехать в Авонмут к Каллингворту, надеясь, что он нашел для меня какое-то дело. Должен изложить тебе некоторые подробности этой поездки.

Часть пути я проехал с молодым Лесли Дунканом, которого ты, по-моему, знаешь. Он был весьма любезен и решил, что мое общество в вагоне третьего класса предпочтительнее одиночеству в первом классе. Тебе известно, что недавно он унаследовал состояние дяди и после первой безумной вспышки радости впал в глубокое и тяжелое уныние, вызванное тем, что у него есть все, чего только можно желать. Сколь абсурдны жизненные стремления, когда я думаю, что я, человек относительно счастливый и пытливый умом, должен бороться за то, что, как я вижу, не принесло Лесли ни выгоды, ни счастья! И все же, если я верно разумею свой характер, настоящей моей целью является не накопление денег, а возможность получить столько, чтобы не думать о повседневных заботах и быть способным к развитию. Мои вкусы настолько непритязательны, что я не могу представить себе никаких преимуществ, которые может дать богатство, – кроме, конечно, удовольствия от того, что помогаешь хорошему человеку или благому делу. Зачем людям требовать почестей за благотворительность, когда они должны знать, что иным образом не получат удовольствия от своих денег? На днях я отдал оказавшемуся на мели учителю свои часы, поскольку в карманах не оказалось мелочи, а мама не смогла определить, что же это было – проявление безумия или благородства. Я мог бы с полной уверенностью сказать ей, что это было ни то, ни другое, а скорее эпикурейское себялюбие с некоторой долей бахвальства. Могли ли мои часы доставить мне чувство полного удовлетворения, когда учитель принес мне квитанцию из ломбарда и сказал, что тридцать шиллингов пришлись очень кстати?

Лесли Дункан вышел в Карстейрсе, и я остался наедине с крепким седовласым пожилым католическим священником, который тихонько сидел в углу и читал молитвенник. У нас завязался доверительный разговор, продолжавшийся до самого Авонмута, столь интересный, что я едва не проехал свою станцию. Отец Логан (так его звали) показался мне образцом священнослужителя – чистым помыслами и готовым к самопожертвованию, со здоровой хитрецой и несколько наивным чувством юмора. Кроме добродетелей своего сословия он также обладал и недостатками, поскольку был крайне реакционен в своих взглядах. Мы страстно спорили о религии, и его богословские воззрения находились на уровне раннего плиоцена[1]. Он мог бы говорить об этом предмете со священником при дворе Карла Великого, и после каждого предложения они жали бы друг другу руки. Он это признавал и ставил себе в заслугу. В его глазах читалась уверенность и последовательность. Если бы наши астрономы, изобретатели и законодатели были столь же последовательны, где бы теперь находилась современная цивилизация? Неужели религия – единственная область приложения мысли, где отсутствует прогресс, где все время нужно соотноситься с нормами, установленными две тысячи лет назад? Разве богословы не видят, что человеческий мозг по мере своего развития должен обладать большей широтой

[1] *Плиоцен* – последняя эпоха неогенового периода, в котором появились австралопитеки. – *Здесь и далее примеч. пер.*

взглядов? Несформировавшийся мозг порождает несформировавшегося Бога, и кто скажет, что наш мозг сформировался хотя бы наполовину? Воистину вдохновленный священнослужитель – это мужчина или женщина большого ума. Не тонзура[2] на макушке, а пара килограммов серого вещества, способного к избирательности.

Я прямо-таки вижу, Берти, как ты сейчас недовольно морщишь нос. Однако я сойду с тонкого льда, и теперь у тебя будут только факты. Боюсь, что рассказчик из меня так себе, поскольку первый малозначительный персонаж берет меня за руку и уводит в сторону, а рассказ мой становится путаным.

Так вот, до Авонмута мы добрались уже вечером, и когда я высунул голову из окна вагона, первое, что предстало моему взору, был старина Каллингворт, стоявший в круге света под газовым фонарем. Сюртук у него был нараспашку, жилет расстегнут вверху, шляпа (на этот раз цилиндр) сдвинута на затылок, спереди из-под нее выбивались жесткие волосы. Во всем, кроме разве что воротничка, передо мной был прежний Каллингворт. Увидев меня, он приветственно проревел, вытащил меня из вагона, схватил мой саквояж или, как ты его называешь, дорожный мешок, и через минуту мы уже шли по улицам.

Я, как можешь себе представить, дрожал от нетерпения узнать, что ему от меня нужно. Однако он об этом и словом не обмолвился, а я постеснялся спросить, и во время нашего долгого пути мы говорили об отвлеченных предметах. Помню, сначала о футболе, где у Ричмонда был шанс выиграть у Блэкхита, и о том, что в каждой новой игре закипают свежие страсти у ворот. Затем он заговорил об изобретениях и так разошелся, что ему пришлось сунуть мне в руки саквояж, чтобы он мог в подтверждение своих слов стучать кулаком по ладони. Я как сейчас вижу, как он умолк и наклонился ко мне, а его желтые зубы блеснули в свете фонаря.

– Дорогой мой Монро. – (Он так ко мне обратился.) – Почему перестали носить доспехи, а? А я тебе скажу, почему. Потому, что вес металла, защищавшего стоявшего в полный рост человека, стал больше, чем тот мог вынести. Но в наши дни воюют не стоящие во весь рост. Пехотинцы лежат на животе, и нужно очень мало, чтобы их защитить. А качество стали возросло, Монро! Появилась закаленная сталь! Бессемер, Бессемер и его конвертер! Очень хорошо. Сколько нужно металла, чтобы закрыть человека? Тридцать пять на тридцать сантиметров, пластины соединяются под углом, чтобы пуля срикошетила. С одной стороны – вырез для винтовки. И вот тебе, дружище, запатентованный портативный пуленепробиваемый щит Каллингворта! Сколько он весит? О, всего шесть с небольшим килограммов. Я все рассчитал. Каждая рота везет свои щиты на тележках, их раздают перед боем. Дай мне двадцать тысяч хороших стрелков, и я высажусь в Кале, а потом дойду до Пекина. Только подумай, дорогой мой, каков будет моральный эффект! Одна сторона попадает с каждого выстрела, а другая плющит пули о стальные пластины. Такого никакое войско не выдержит. Страна, которая первой заполучит такие щиты, подомнет под себя всю Европу. Все погонятся за этими щитами, все. Давай-ка посчитаем. Численность войск примерно восемь миллионов. Положим, щитами оснащена лишь половина. Я говорю «половина», потому что не хочу прослыть слишком кровожадным. Это четыре миллиона, и я возьму четыре шиллинга процентов при оптовой продаже. Как тебе такое, Монро? Примерно семьсот пятьдесят тысяч фунтов, а? Как тебе такое, дружище?

Право слово, именно так он и говорил, когда я об этом вспоминаю. Не хватает лишь странных пауз, внезапных переходов на доверительный шепот, торжествующих рыков, с которыми он отвечал на свои же вопросы, пожиманий плечами, хлопков и оживленной жестикуляции. Но за все время – ни слова о том, почему он послал мне срочную телеграмму, заставившую меня поехать в Авонмут.

---

[2] *Тонзура* – выбритый или выстриженный участок на голове у католических священников и монахов. Ассоциируется с терновым мученическим венцом Иисуса Христа.

Конечно, я терзался вопросом, добился он успеха или нет, хотя его веселый вид и оживленная речь говорили о том, что у него все хорошо. Однако я удивился, когда мы прошли по тихой широкой улице с огромными домами с участками по обе стороны, и он вдруг остановился и прошел в железную калитку, ведшую к одному из лучших особняков. Луна высветила остроконечную крышу и фронтоны на каждом углу. Когда он постучал, дверь открыл лакей в красных плюшевых бриджах. Я начал понимать, что мой друг наверняка добился колоссального успеха.

Когда мы спустились в столовую к ужину, там меня приветствовала миссис Каллингворт. Мне было очень жаль видеть, что она бледна и выглядит усталой. Однако мы поужинали довольно весело, как в старые добрые времена, и живость ее мужа отразилась на ее лице. Затем мы снова будто бы вернулись в небольшую комнатку, где медицинские журналы служили стулом, а не находились в огромном покое с обшитыми дубовыми панелями стенами, на которых красовались картины. Но так и не было сказано ни слова касательно цели моей поездки.

Когда ужин закончился, Каллингворт провел меня в небольшую гостиную, где мы оба закурили трубки, а миссис Каллингворт – сигарету. Он некоторое время сидел молча, затем вскочил, бросился к двери и распахнул ее настежь. Одной из его странностей была боязнь, что его подслушивают или строят против него козни, поскольку, несмотря на его показную открытость и откровенность, ему была свойственна странная подозрительность. Удостоверившись, что его никто не подслушивает и никто за ним не шпионит, он опустился в кресло.

– Монро, – проговорил он, тыча в мою сторону трубкой, – я хотел тебе сказать, что я полностью, безнадежно и непоправимо разорился.

Я покачивался на стуле, который стоял на задних ножках, и уверяю тебя, что в тот момент чуть не опрокинулся. Все мои мечты о грандиозных результатах моей поездки в Авонмут рухнули, словно карточный домик. Да, Берти, должен тебе признаться: мои первые мысли были о собственном разочаровании, и лишь последующие – о несчастье, постигшем моих друзей. Каллингворт обладал поистине дьявольской интуицией, или же мои мысли выразились на лице, поскольку он тотчас добавил:

– Прости, что разочаровал тебя, дружище. Вижу, ты совсем не это ожидал услышать.

– Ну, – невнятно пробормотал я, – это и вправду большой сюрприз, старина. Судя по дому, я подумал…

– Судя по дому, по лакею, по мебели, – продолжил он. – Ну, они-то меня и съели… всего, с потрохами… Мне конец, дружище, если только… – Тут я заметил в его глазах вопрос. – Если только не найдется друг, который позволит использовать его имя на листе гербовой бумаги.

– Я не могу этого сделать, Каллингворт, – ответил я. – Очень нехорошо отказывать другу, и будь у меня деньги…

– Обожди, пока тебя попросят, Монро, – оборвал он меня, состроив страшную гримасу. – К тому же, поскольку у тебя нет ничего и перспектив тоже, какая будет польза от твоей подписи на бумаге?

– Вот это мне и хотелось бы знать, – ответил я, все же чувствуя себя немного подавленным.

– Слушай, дружище, – продолжал он, – видишь стопку писем слева на столе?

– Да.

– Это требования кредиторов. А видишь документы там, справа? Так это повестки в суд графства. А теперь погляди сюда. – Он открыл конторскую книгу и показал мне три или четыре фамилии, написанные на первой странице.

– Это моя практика, – проревел он и принялся хохотать, пока на лбу у него не вздулись вены.

Его жена тоже от души рассмеялась, как могла бы и заплакать, если бы он того захотел.

– Вот такие дела, – сказал он, справившись с приступом. – Ты, наверное, слышал – я ведь и сам тебе об этом говорил, – что у моего отца была лучшая практика во всей Шотландии. Насколько я мог судить, способностями он не отличался, однако факт остается фактом – практика у него была.

Я кивнул и затянулся трубкой.

– Так вот, он умер семь лет назад, и практику его расхватали конкуренты. Однако, получив диплом, я подумал, что мне лучше всего будет вернуться в родные пенаты и посмотреть, смогу ли я снова восстановить практику отца. Имя должно чего-то стоить, считал я. Но не было смысла браться за дело с прохладцей. Совершенно никакого смысла. К нему обращались люди богатые, они должны были видеть зажиточный дом и лакея в ливрее. Каков был шанс привлечь их в дом с эркером за сорок фунтов в год и с чумазой служанкой у порога? Как ты думаешь, что я сделал? Дружище, я занял старый дом отца, который не сдавался внаем, тот самый дом, который он содержал за пять тысяч в год. Начал я роскошно и вложил последние гроши в мебель. Но все без толку, дружище. Долго я не продержусь. У меня два несчастных случая и эпилептик – двадцать два фунта, восемь шиллингов и шесть пенсов.

– И что же ты намерен делать дальше?

– Вот тут-то мне нужен твой совет. Поэтому-то я и вызвал тебя телеграммой. Я всегда уважал твое мнение, дружище, и подумал, что сейчас самое время его выслушать.

Меня поразило, что если бы он задал мне этот вопрос девять месяцев назад, то толку было бы больше. Что, черт подери, я мог сделать, если дела так запутались. Однако я был польщен, что такой независимый человек, как Каллингворт, обратился ко мне за советом.

– Ты и вправду думаешь, – спросил я, – что здесь держаться больше не за что?

Он вскочил со стула и принялся мерить комнату порывистыми шагами.

– Извлеки из этого урок, Монро, – сказал он. – Теперь придется начинать с нуля. Послушай моего совета и отправляйся туда, где тебя никто не знает. Люди довольно быстро поверят незнакомцу, но если они помнят тебя мальчишкой в коротких штанишках, которого лупили щеткой для волос за то, что он воровал сливы, то не доверят тебе свое здоровье и жизнь. Очень хорошо и приятно говорить о дружбе и семейных связях, но когда у человека болит живот, то ему нет до них никакого дела. Я бы вывел это золотыми буквами в каждой медицинской аудитории и высек бы на воротах университета. Если человеку нужны друзья, он должен идти к чужим людям. Здесь все провалено, Монро, и без толку советовать мне тут оставаться.

Я спросил его, сколько он должен. Всего набралось около семисот фунтов. Только за дом приходилось отдавать две сотни. Он уже занял деньги на мебель, и весь его капитал составлял менее десяти фунтов. Разумеется, посоветовать я мог ему только одно.

– Ты должен собрать вместе всех кредиторов, – сказал я. – Они воочию убедятся, что ты молод и полон сил, поэтому рано или поздно наверняка добьешься успеха. Если они загонят тебя в угол, то ничего не получат. Пусть они это поймут. Но если ты начнешь с нуля где-то в другом месте и добьешься успеха, то сможешь сполна с ними расплатиться. Иного выхода я не вижу.

– Я знал, что ты это скажешь, я и сам так подумал. Разве нет, Гетти? Ну что ж, тогда решено. Я очень признателен тебе за совет, так что на сегодня с этим делом все. Я выстрелил и промахнулся. В следующий раз попаду, и этого долго ждать не придется.

Неудача, похоже, не очень-то его тяготила, поскольку через несколько минут он рычал так же громогласно, как и раньше. Принесли виски с водой, чтобы мы могли выпить за успех его второй попытки.

Виски сослужило нам скверную службу. Выпивший пару бокалов Каллингворт дождался, пока жена вышла из гостиной, и завел разговор о том, как трудно теперь стало заниматься гимнастикой, когда целый день ждешь пациентов. Мы стали раздумывать, как можно заниматься

гимнастикой в помещении, и перешли к боксу. Каллингворт достал из шкафа две пары перчаток и предложил побоксировать раунд-другой.

Не будь я дураком, Берти, я бы никогда не согласился. Это одна из моих многих слабостей: меня заводит любое упоминание о вызове, будь он со стороны мужчины или женщины. Но я хорошо знал характер Каллингворта, и в прошлом письме рассказал, какой у него темперамент. Тем не менее, мы отодвинули стол в сторону, повесили лампу повыше и встали друг напротив друга.

Как только я посмотрел ему в глаза, я сразу почуял неладное. Они сверкали злобой. Полагаю, он разозлился из-за моего отказа поставить подпись на гербовой бумаге. В любом разе, вид у него был злобный: нахмуренные брови, прижатые к бедрам кулаки (потому что его бокс, как и все остальное в нем, не был традиционным) и выдвинутая вперед, словно капкан, нижняя челюсть.

Я сделал шаг, и он принялся молотить меня обеими руками, хрюкая, как свинья, при каждом ударе. Я понял, что боксер из него никакой, он просто стойкий и упорный драчун. С полминуты я отбивался обеими руками, но потом меня чуть не сбили с ног и прижали к двери, так что я чуть не проломил ее затылком. На этом он не успокоился, хотя видел, что локтями я работать не могу, и нанес правой такой удар, который вынес бы меня в коридор, если бы я не увернулся и не выскочил на середину комнаты.

– Слушай, Каллингворт, – сказал я, – что-то бокса тут маловато.

– Да, я бью сильно, разве нет?

– Если ты снова на меня так набросишься, я тебе врежу, – ответил я. – Хочу драться несильно, если позволишь.

Не успел я закончить, как он бросился на меня. Я снова увернулся, но комната была маленькая, а он прыгал, как кошка, так что ускользнуть было невозможно. Он снова ринулся на меня, словно рвался к воротам, и чуть не сбил меня с ног. Не успел я опомниться, как левой он нанес точный удар, а правой заехал мне по уху. Я споткнулся о скамейку для ног и не успел встать прямо, как он снова попал мне по уху, и в голове у меня зазвенело. Он был очень доволен собой, выпятил грудь, хлопнув по ней ладонями, и занял позицию посередине комнаты.

– Скажешь, когда с тебя хватит, Монро.

Это было очень самонадеянно, если учесть, что я на пять сантиметров выше него и на десяток килограммов тяжелее, к тому же боксирую гораздо лучше. Его энергия и размеры комнаты были против меня, но я решил, что не ему одному наносить удары в следующем раунде.

Он снова бросился вперед, размахивая руками, как ветряная мельница. Но на этот раз я ждал. Я врезал ему левой в переносицу, а потом, увернувшись от его левой, дал ему боковым в челюсть, отчего он рухнул на коврик у камина. Когда Каллингворт снова вскочил на ноги, лицо у него было, как у безумца.

– Свинья! – крикнул он. – Скинь перчатки и дерись голыми руками!

Он начал стягивать свои перчатки.

– Давай-давай, тупой осел! – ответил я. – Из-за чего нам драться?

Он обезумел от злости и швырнул перчатки под стол.

– Ей-богу, Монро! – вскричал он. – Если ты не снимешь перчатки, я тебя достану, в перчатках ты или нет!

– Выпей содовой, – сказал я.

Он презрительно взглянул на меня.

– Ты меня боишься, Монро, – прорычал он. – Вот в чем все дело.

Дело стало заходить слишком далеко, Берти. Я понимал всю абсурдность ситуации. Я думал, что смогу одержать над ним верх, но в то же время знал, что наши силы примерно равны, и мы оба можем сильно поколотить друг дружку безо всякой пользы. И все-таки я снял

перчатки, решив, что так благоразумнее всего. Если Каллингворт подумает, что у него есть надо мной преимущество, то потом я могу об этом пожалеть.

Но судьбе было угодно задавить нашу свару в самом зародыше. В ту секунду в комнату вошла миссис Каллингворт и взвизгнула, увидев мужа. У него из носа сочилась кровь и стекала на подбородок, так что я не удивился ее реакции.

– Джеймс! – вскрикнула она и повернулась ко мне. – Что все это значит, мистер Монро?

Ты бы видел, какой ненавистью пылали ее кроткие глаза. Я ощутил безумный порыв подхватить ее на руки и поцеловать.

– Мы всего лишь немного побоксировали, миссис Каллингворт, – ответил я. – Ваш муж жаловался, что ему не удается заняться физическими упражнениями.

– Все нормально, Гетти, – сказал он, снова надевая сюртук. – Не глупи. Слуги уже улеглись спать? Ну, тогда пронеси мне в тазике воды из кухни. Садись, Монро, и закуривай трубку. Мне надо об очень многом с тобой поговорить.

На этом все и кончилось, и остаток вечера прошел спокойно. Но все-таки его миниатюрная жена всегда будет видеть во мне негодяя и забияку. Что же до Каллингворта… Довольно трудно сказать, что он думает об этом деле.

Когда я проснулся на следующее утро, он оказался у меня в комнате и являл собою довольно забавное зрелище. Его халат лежал на стуле, а сам он голышом выжимал двадцатикилограммовую гирю. Природа не наградила его лицо ни симметрией, ни приятным выражением, но фигура у него была, как у греческой статуи. Я с улыбкой заметил, что оба его глаза украшают синяки. Настала его очередь улыбнуться, когда я сел на кровати и обнаружил, что мое ухо по форме и на ощупь напоминает мухомор. Однако в то утро Каллингворт вел себя чрезвычайно дружелюбно и болтал в самой добродушной манере.

В тот день мне надо было вернуться домой, к отцу, но до отъезда я провел пару часов с Каллингвортом у него в кабинете. Он пребывал в прекрасном настроении и выдавал сотни хитроумных способов, какими я мог бы ему помочь. Его главной целью было, чтобы его имя попало в газеты. По его мнению, это являлось залогом успеха. Мне казалось, что он путает причину со следствием, но с ним не спорил. Я до боли в боку смеялся над его замысловатыми предложениями, которыми он буквально фонтанировал. Я должен был лежать без чувств на обочине дороги, чтобы милосердная толпа отнесла меня к нему, после чего лакей бросится разносить заметку по газетам. Однако существовала вероятность, что меня отнесут к врачу-конкуренту на другой стороне улицы. В разных ипостасях я должен был симулировать припадки у двери Каллингворта, чтобы дать газетчикам очередной повод обмолвиться о нем. Потом я должен был умереть, испустить дух, а вся Шотландия должна была трубить о том, как доктор Каллингворт из Авонмута воскресил меня. Его изобретательный ум придумывал сотни вариаций на одну тему, а нависавшее над ним банкротство поблекло в его голове под натиском несерьезных и вздорных задумок.

Но его веселость тотчас улетучивалась, он начинал скрежетать зубами и быстро расхаживать по комнате, рассыпая ругательства, когда видел пациента, поднимавшегося по ступенькам к двери Скарсдейла, его соседа напротив. Скарсдейл имел довольно неплохую практику и принимал на дому с десяти до двенадцати утра, так что я почти привык к тому, как Каллингворт вскакивал со стула и с проклятиями бросался к окну. Он сразу же ставил диагнозы и прикидывал гонорары за лечение, пока не начинал заговариваться.

– Вот! – внезапно вскрикивал он. – Видишь хромающего мужчину? Он приходит каждое утро. Смещение мениска в коленном суставе, там на три месяца работы. Он приносит тридцать пять шиллингов в неделю. А вот еще! Пусть меня повесят, если это снова не женщина в инвалидной коляске с ревматическим артритом. Она прямо вся тюленья кожа и молочная кислота. Просто тошнит от вида того, как валят к этому врачу. А что за врач! Ты его не видел,

и тем лучше для тебя. Не знаю, чему ты, черт подери, смеешься, Монро. Не вижу, с чего бы мне веселиться.

Та поездка в Авонмут продлилась недолго, но мне кажется, что я запомню ее на всю жизнь. Видит Бог, что этот предмет тебя изрядно утомил, но когда я начал такой подробный рассказ, меня так и подмывало продолжать. Все закончилось с моим возвращением тем же днем, Каллингворт заверял меня, что соберет вместе своих кредиторов, как я ему и советовал, и сообщит о результатах через несколько дней. Миссис Каллингворт едва удосужилась подать мне руку, когда я с ней прощался, но от этого она понравилась мне еще больше. В Каллингворте наверняка много достоинств, иначе он не смог бы полностью завоевать любовь и доверие этой женщины. Возможно, где-то на заднем плане таится совсем другой Каллингворт – более мягкий и нежный, который может любить и пробуждать любовь. Если так оно и есть, то я и близко с ним незнаком. Возможно, я лишь постукивал пальцами по скорлупе. Кто знает? Если уж на то пошло, весьма вероятно, что он никогда не сталкивался с настоящим Джонни Монро. Но ты-то меня знаешь, Берти, и мне кажется, что на этот раз он порядком тебе надоел, а своими снисходительными ответами ты лишь поощряешь его словесные излишества. Что ж, написал я ровно столько, сколько почтовое ведомство сможет отправить за пять пенсов, так что закончу лишь тем, что отмечу – прошло две недели, а новостей из Авонмута нет, что совсем меня не удивляет. Если я что-то и узнаю, что весьма сомнительно, можешь быть уверен, что я закончу эту долгую историю.

Письмо третье

Дома, 15 октября 1881 года

Безо всякой образности признаюсь, что мне становится очень стыдно, когда я думаю о тебе, Берти. Я посылаю тебе два невероятно длинных письма, отягощенных, насколько я помню, совершенно ненужными подробностями. Затем, несмотря на твои добрые ответы и участливость, которых я вряд ли заслуживаю, я полностью забываю о тебе больше чем на полгода. Клянусь этим пером, такое больше не повторится, и этим письмом я, возможно, заполню образовавшийся пробел и посвящу тебя в свои текущие дела, к которым лишь ты из всего человечества проявляешь интерес.

Начну с замечания, что хочу тебя заверить: все, что ты сказал в своем последнем письме касательно религии привлекло мое самое пристальное внимание. Жаль, что его у меня нет для сверки (я дал почитать его Чарли), но, по-моему, я помню его содержание. Общеизвестно, как ты говоришь, что неверующий может быть таким же фанатиком, как и глубоко верующий человек, и что человек может быть очень догматичен в своем ниспровержении догм. Подобные люди суть настоящие враги свободной мысли. И если что-то сможет убедить меня предать свои принципы, то это, например, будут дурацкие кощунственные картинки, публикуемые в агностических изданиях.

Но у каждого движения существует целая толпа последователей и подпевал, склонных к разброду и шатаниям. Мы напоминаем комету, яркую в голове и рассеивающуюся в облако газа в хвосте. Однако каждый человек может говорить за себя, и я не чувствую, что твое обвинение относится ко мне. Я фанатичен лишь в борьбе с фанатизмом, и мне это представляется столь же законным, как и насилие в борьбе с насилием. Когда принимаешь во внимание, какие последствия имели для мировой истории извращения религиозных чувств (жуткие войны христиан и мусульман, католиков и протестантов, казни, пытки, междоусобная вражда, мелочные склоки, при этом все верования в равной степени измазаны кровью), то остается лишь поражаться, как совокупный глас человечества не поместил фанатизм на первое место в списке смертных грехов. И, конечно же, банально заявлять, что ни оспа, ни чума не принесли человечеству столько горя и страданий.

Меня нельзя причислить к фанатикам, дорогой мой, потому как я от чистого сердца говорю, что уважаю каждого доброго католика и каждого доброго протестанта, и признаю, что каждое из этих вероисповеданий является мощным орудием в руках управляющего всем непостижимого Провидения. Как в ходе истории человек обнаруживает, что самые далеко идущие и выдающиеся последствия могут происходить из преступления, так и в религии, хотя вера может основываться на совершенно несуразной концепции Создателя и Его деяний, она тем не менее может оказаться наиболее подходящей для людей и времени, когда была принята. Но если она правильна для тех, кто интеллектуально удовольствуется ее принятием, это также приемлемо для тех, кто не довольствуется ее принятием, кто против нее протестует, пока в результате этого процесса все человечество постепенно подвергается брожению и продвигается чуть вперед по пути поступательного развития.

Католицизм более глубок и обстоятелен. Протестантизм более приземлен и рационален. Протестантизм приспосабливается к современной цивилизации, католицизм надеется, что цивилизация приспособится к нему. Люди перемещаются с одной большой ветви на другую и считают, что произвели огромную перемену, в то время как ствол под ними прогнил, и обе ветви в их теперешней форме рано или поздно будут вовлечены в общую погибель. Движение человеческой мысли, пусть и медленное, по-прежнему направлено в сторону правды, и различные религии (каждая прекрасна в свое время), от которых человек избавляется по мере

продвижения вперед, служат своего рода буйками, сбрасываемыми с борта корабля, призванными указывать скорость и направление прогресса.

Но как мне узнать, что есть истина, спросишь ты? Никак. Но я довольно неплохо знаю, что не есть истина. И это, разумеется, немало. Неверно, что великий главный Ум, спланировавший все на свете, способен на зависть, месть, жестокость и несправедливость. Это человеческие качества, и книга, приписывающая их Бесконечности, наверняка является человеческим творением. Неверно, что законы природы были произвольно нарушены, что змеи разговаривали, что женщины превращались в соль, что скипетром добывалась вода из камней. Тебе нужно честно признать, что если бы подобные высказывания впервые преподносились нам взрослым, то мы бы улыбнулись. Неверно, что источник здравого смысла должен наказать народ за незначительный проступок, совершенный давно умершим человеком, а потом усугубить вопиющую несправедливость, обрушив возмездие на одного невинного козла отпущения. Разве ты не видишь, что такая концепция лишена справедливости и логики, не говоря уже о милосердии? Неужели не видишь, Берти? Как же можно ослепнуть до такой степени! Отвлекись на мгновение от подробностей и вглядись в ключевую идею господствующей веры. Разве ее общая концепция соответствует бесконечной мудрости и милосердию? Если нет, то что станется с догмами, символами, общей системой, построенной на песке? Мужайся, друг мой! В нужный момент все будет отброшено в сторону, как человек, чьи силы возрастают, откладывает костыль, который верно служил ему в дни болезни. Но на этом перемены не кончатся. Его хромота станет походкой, которая превратится в бег. Окончания переменам нет, его не может быть, поскольку вопрос относится к бесконечности. Все это, сегодня кажущееся тебе слишком заумным, через тысячу лет станет выглядеть реакционным и консервативным.

Поскольку я коснулся этой темы, можно сказать кое-что еще без боязни тебе наскучить? Ты говоришь, что критика вроде моей разрушительна, и мне нечего предложить взамен низвергнутого. Это не совсем верно. Мне думается, что нам доступны некие элементарные истины, не требующие веры для их принятия, и этих истин достаточно для предоставления нам практической религии, в которой достаточно рассудочности, чтобы привлечь к себе думающих людей, а не отвратить их.

Когда все мы вернемся к элементарным и доказуемым фактам, появится надежда прекратить мелкие дрязги между верованиями и включить всю человеческую семью в одну всеобъемлющую систему мысли.

Когда я впервые вышел из веры, в которой был воспитан, то, конечно, некоторое время чувствовал себя так, будто бы лишился опоры в жизни. Не будет преувеличением сказать, что я ощущал себя жалким и погруженным в полную духовную тьму. Для этого юность слишком полна всяких действий. Я осознавал какое-то смутное беспокойство, постоянное желание тишины, пустоту и одеревенелость, которых не замечал раньше. Я настолько отождествлял религию с Библией, что не мог их разделить. Когда фундамент оказался фальшивым, все сооружение с грохотом рухнуло. И тогда на помощь мне пришел добрый старый Карлейль[3], и при помощи его размышлений и своих раздумий я построил свой небольшой домик, в котором с тех пор нахожу покой и который даже послужил убежищем для парочки друзей.

Наипервейшее и главное, что следует хорошенько усвоить – это то, что существование Создателя и указания на его свойства никоим образом не зависят от еврейских пророков и поэтов, а также от бумаги и типографской краски. Напротив, все подобные попытки осознать Его лишь принижают Его, низводя Бесконечность до узких рамок человеческой мысли, причем в то время, когда мысль была в общем менее духовна, нежели теперь. Даже самый мате-

[3] *Томас Карлейль* (1795–1881) – английский писатель, философ и историк. В своих работах выдвинул «теорию героев», считая, что выдающиеся исторические личности («великие люди») определяют историю и двигают вперед человечество.

риалистичный из современных умов дрогнет при попытке описать Божество приказывающим проводить массовые казни и рубить властителей на части на алтарях.

Затем, подготовив свой ум к более высокой (пусть и, возможно, более расплывчатой) идее Божества, переходи к изучению Его в его делах, которые нельзя подделать или исказить. Природа – вот истинное откровение Божества человеку. Ближайшее зеленое поле есть вдохновенная страница, на которой можно прочитать все, что тебе нужно знать.

Признаюсь, что никогда не мог понять позицию атеиста. На самом деле я пришел к тому, что не верю в его существование и рассматриваю его слова лишь как форму теологического осуждения. Атеизм может представлять собой временное состояние, преходящую фазу умственного развития или дерзкую реакцию на антропоморфический идеал. Однако я не могу представить, что человек может продолжать наблюдать за природой и отрицать, что действуют законы, демонстрирующие интеллект и силу. Само существование мира несет в себе доказательство существования его создателя, как стол гарантирует существование плотника. В соответствии с этим человек может сформировать импонирующую ему концепцию Творца, но он не может быть атеистом.

Мудрость, мощь и направленные на достижение цели средства вписаны в структуру природы. Каких тогда доказательств мы хотим от книги? Если человек, наблюдающий мириады звезд и считающий, что они и их бесчисленные спутники размеренно движутся по небу, не пересекаясь орбитами, если, говорю я, человек, видит это и не может понять свойств Создателя без книги Иова, то его взгляд на мир находится за пределами моего понимания. И не только в больших явлениях мы видим вездесущую заботу некой разумной силы. Для нее нет ничего слишком малого. Мы видим, как крохотный хоботок насекомого аккуратно внедряется в чашечку цветка, как микроскопический волосок и желёзка исполняют свои определенные функции. Какая разница, плод они творения или результат эволюции? Нам на самом деле известно, что они суть результат эволюции, но это лишь определяет закон, но не объясняет его.

Но если эта сила позаботилась о пчеле, снабдив ее медовым желудочком и хоботками для сбора нектара, об обычном семени, снабдив его приспособлениями для попадания в плодородную почву, то возможно ли, что мы, венец творения, оказались обойденными? Такое невообразимо. Эта мысль не соотносится со структурой творения, как мы ее видим. Повторяю, что вера не нужна, чтобы обрести уверенность в существовании всевидящего Провидения.

И с подобной уверенностью у нас, конечно, есть все необходимое для элементарной религии. Что бы ни произошло после смерти, в этой жизни наши обязанности четко определены, и этики всех верований пока что сходятся в этом, так что вряд ли могут существовать какие-то расхождения во мнениях. Последняя реформация упростила католицизм. Грядущая реформация упростит протестантизм. А когда мир созреет, наступит еще одна реформация, которая его упростит. Постоянно совершенствующийся разум даст нам постоянно расширяющую свои границы веру. Разве не отрадно думать, что эволюция еще продолжает действовать, что если предок наш – человекообразная обезьяна, то потомками нашими могут быть архангелы?

Ну, вообще-то я не намеревался вываливать на тебя весь этот ворох информации. Думал, что смогу обрисовать свою позицию на страничке или около того. Но сам видишь, как одно влечет за собой другое. Даже теперь я многое оставляю невысказанным. Я с большой долей уверенности представляю, что именно ты скажешь. «Если ты выводишь существование благого Провидения из всего хорошего в природе, то как быть со всем плохим?» Вот что ты скажешь. Достаточно того, что я склонен отрицать существование зла. По этому поводу я больше не скажу ни слова, но если ты сам вернешься к этой теме, то думай и решай сам.

Ты помнишь, что в последнем письме я рассказывал, как только что вернулся из Авонмута от Каллингвортов, и что он обещал известить меня, какие шаги предпримет для умиротворения кредиторов. Как я и ожидал, я не получил от него ни словечка. Однако окольными путями я узнал кое-какие новости о случившемся. Из вторых рук с большой степенью пре-

увеличения мне стало известно, что Каллингворт поступил именно так, как я ему советовал: созвал кредиторов и обратился к ним с пространным заявлением касательно своего положения. Эти добрые люди были столь тронуты нарисованной им картиной достойного человека, борющегося с превратностями судьбы, что некоторые из них заплакали, и все не только единогласно решили отсрочить уплату долга, но и даже заговорили о подписке, чтобы помочь Каллингворту поправить дела. Как я понимаю, он уехал из Авонмута, однако никто понятия не имеет, что с ним сталось. Общее мнение таково, что он отправился в Англию. Он странный человек, но я желаю ему удачи, где бы он ни был.

Когда я вернулся домой, то снова погрузился в рутину отцовской практики, помогая ему, пока что-нибудь не наклюнется. Мне пришлось ждать полгода – долгие и тягучие полгода. Понимаешь, я не могу просить у отца денег или, по крайней мере, не могу заставить себя взять лишний пенни из его накоплений, поскольку знаю, насколько ему трудно обеспечивать нам крышу над головой и платить за лошадь и рессорную двуколку, которая нужна ему для работы так же, как утюг портному. А сборщик налогов так и горазд выжать из нас пару гиней под предлогом того, что это роскошь! Мы продержимся, и я не сделаю его беднее хотя бы на фунт. Но ты сам понимаешь, Берти, что для мужчины моего возраста унизительно ходить с пустыми карманами. Это очень на меня давит. Бедняк может сделать мне доброе дело, а я покажусь ему скрягой. Могу захотеть подарить девушке цветы и должен буду выглядеть непочтительным. Не знаю, почему я должен этого стыдиться, поскольку в этом не моя вина, и надеюсь, что никому не покажу, что мне стыдно. Но тебе, дорогой мой Берти, охотно признаюсь, что это ужасно задевает мое чувство собственного достоинства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.